Лампа посредине мира

Всеволод Иванов

SHOUT
SHARE
IT

- Всеволод Иванов
  - Всеволод Иванов

Всеволод Иванов
Лампа посредине мира

Всеволод Иванов
Лампа посредине мира
(Первый рассказ о волшебной лампе)

Долгое время назад — еще до войны 1914 года — довелось мне стать единственным наборщиком единственной типографии Павлодара, города, что и поныне прославляет добродушные степные берега Иртыша.

Второй раз в своей жизни получив жалованье, — и опять за целый месяц! я понял, что передо мной важное событие. Первую получку я распределил настолько зыбко и неуловимо, что стеснялся теперь и вспоминать о том.

Я робко-невнятно задумался над деньгами. Необходимо ознаменовать эти полные величия дни, это несомненное вступление в жизнь. Но как? Позвать гостей? Я знал едва ли десяток людей во всем городе. Пожертвовать эти девять рублей с высокой целью? Куда? Где эта высокая цель? Приобрести что-нибудь из одежды или вещей?

Таким образом, в раннее воскресное утро я пошел на базар.

Базар в Павлодаре столь велик и длинен, что можно подумать, будто город собирается торговать с целым континентом. Двери магазинов широко распахнуты. Я иду от магазина к магазину, от окна к окну и беспрепятственно сближаюсь с теми товарами, которым почему-либо суждено быть моими. Я извертываюсь, выдумывая предлог, чтоб уйти от витрины часовщика.

Хоть бы встретить какого-нибудь знакомого, хоть бы появился Насосец. Так зовут городского потешника, проказника, служащего в казначействе. Он сквернослов, свистун, лицо его слащаво, как медовый пряник, но купцам он нравится, и они любят калякать с ним о пустяках. Но и его нет еще. Рано.

Я гляжу уже не в магазины, а между них, и вдруг я вижу, что возле чайного магазина сидит, прислонившись к стене, босяк. Возле ног его медно-красная лампа, широкая, без фитиля и без стекла, да и приспособления, сжимки для стекла, нет. Пожалуй, это сооружение можно назвать светильней. Она медно-красная, но давно не чищена и покрылась грубой патиной.

Лампа лежит возле колена, а колено в ссадинах, видно, босяк недавно упал. Он дышит мерно, заснул. Мешкать нельзя. Утащат.

Я шевелю его за плечо:

— Эй, дядя.

Он подергивает плечом, носом. Я сильнее надавливаю на плечо. Он открывает глаза, думаю, что он будет меня ругать.

Он говорит:

— А чего не уступить. Торговаться не буду. Уступлю.

Удивление охватывает меня: зачем мне эта старая лампа?

У меня и дома-то нет, а для вещей нужен дом, по крайней мере собственный угол, чтобы создавать там домашний уют.

Босяк опережает мои возражения:

— Чего пялишься? Это, брат, не простая лампа, а волшебная.

— Волшебная?

— А как же! Небось читал в книжках.

Книжек я читал много — и о путешествиях, и о прошлом, и о загадочной, далекой Индии. Да-да, что-то припоминаю такое… Конечно, как я сразу не мог сообразить, о волшебной лампе я читал в арабских сказках. Стоит загадать желание и потереть лампу…

— Продаешь? — спрашиваю я у босяка.

— Эка, продаешь… Здесь одного материала, может, на гривенник, да волшебство, да работа. Вот и считай, сколько набегает… Денег не хватит расплатиться. — Он смотрит на меня, прищурив глаз, будто оценивает — стоит со мной заключать сделку или поискать другого. — Уступаю во временное пользование. Сроком на час.

— И сколько же ты берешь за час? — Голос мой дрожит от волнения. Я уже твердо знаю, что не напрасно пришел на базар, что именно о такой лампе я мечтал всю жизнь. И к чему целый час, мне достаточно пяти минут, только хватит ли денег, чтобы расплатиться за воплощение мечты? Нащупываю получку, лежавшую в кармане. — Сколько?

— А сколько есть у человека. Если он и вправду захочет получить лампу, а не так, для баловства, то отдаст все, что есть, хоть даже и тысячу рублей.

Протягиваю ему деньги на раскрытой ладони. Босяк опять смотрит на меня с прищуром, удовлетворенно улыбается и встает с земли. Он перекладывает мою получку к себе в карман и направляется важным шагом к ближайшему кабаку. По дороге останавливается и через плечо кивает на лампу, которая так и лежит в мягкой павлодарской пыли:

— Лампу-то подбери. Спеши. Твой час уже начался.

Босяк уходит медленно, а я схватываю лампу и крепко прижимаю ее к груди. Мысли теснятся лихорадочно в голове. Что же пожелать? Что? спрашиваю сам себя. — Странно. Так много желаний, и не знаешь, с чего начать. Просить одежды или еды —

глупо, стоит ли на это тратить силу волшебства? Ведь у меня были деньги, чтобы купить необходимое. У меня еще будут возможности заработать, мне и надо-то совсем немножко. Просить здоровья? Но я здоров, молод, мне всего восемнадцать лет. Что еще?

Лампа острой своей гранью впивается мне в грудь, давит. Я стою в нерешительности, а солнце за моей спиной движется, и вместе с ним движется тень у меня под ногами. Еле-еле, медленно, однако движется. Что же пожелать?

Вдруг я слышу за спиной шаги, чья-то чужая тень сливается с моей, кто-то кладет руку мне на плечо. Свежий запах вина и жареной картошки обдает меня. Босяк стоит рядом, нетвердо пошатываясь.

— Все, брат, вытекло время. Впредь будь поворотливей.

Неужели целый час прошел? Босяк забирает лампу, сует ее под мышку, но не уходит, а все стоит. Я прошу его тихим голосом, без особой надежды:

— Я уже придумал. Дай лампу на минутку, я только потру…

Он говорит укоризненно и серьезно:

— Какое же волшебство в нарушение уговора? Обман, а не волшебство.

Я подумал: Но для того, чтобы попросить Духа перебросить меня из эпохи в эпоху, разве не стоило побеспокоиться… Допустим, что я сам, своим поэтическим чутьем смогу быть и царем, и рабочим, и рабом, и солдатом, и ученым. Но смогу ли я сам выбрать такую эпоху, из которой, как из бинокля, можно было б разглядеть и понять все эпохи. Какие основания, что эта эпоха; в которой я нахожусь, есть именно та, на которую я рассчитывал.

Я стою опечаленный, опустив голову, и размышляю: Вот и вторую получку потратил без смысла. Но не денег жалко. А вот когда же я стану взрослым, рассудительным?

А босяк мне сказал, читая мои мысли:

— Но только ты зря убиваешься, что не дотронулся. Дело в том, что когда я проходил через Лебяжий, то эту штучку видела твоя мать, когда ты не родился еще. И, кто знает, быть может, она дотронулась и пожелала, чтоб ты родился именно в ту эпоху, которую желаешь.

Так как он прочел именно то, что я думал, я решил, что передо мной была именно волшебная лампа, и я поверил тому, что не я, а моя мать дотронулась и вызвала соответствующего Духа. Должен сказать, что моя мать, не будучи практической женщиной, все же была решительна. Я говорю потому практической, что, если б она заботилась о моем благополучии,

она б вызвала меня в другую эпоху. Но она знала, что не практическое благополучие составляет счастье людей. И она выбрала именно ту эпоху, в которой мы с вами, читатель, находимся. Я на нее не сетую, хотя меня не печатают наполовину и хотя эти рассказы вряд ли будут напечатаны при моей жизни. Дело в том, что книгопечатание изобретено так недавно и сетовать на то, что все твои писания будут и должны быть непременно напечатаны, — глупо. У человечества и без того много хлопот.

1943 г.